

Глава 21. Праздник фонарей и лент, веселье людей и деревьев

— Сто кланов?

На лицах Цзо Юэшэна и Лу Цзина одновременно появилось выражение отвращения.

Отношения между великими школами заклинателей Двенадцати континентов были далеки от «дружеских». То и дело доносились слухи, что такая-то школа и такая-то секта снова сцепились из-за старых обид, то ссорясь, то мирясь, — сплошная путаница, в которой не захотел бы разбираться даже сам Гуйгу-цзы, прославленный своим искусством счёта.

Лишь в одном они были едины — в своём отношении к Ста кланам.

— Опять эти типы, — пробормотал Лу Цзин.

— Почему? — незаметно спросил Цю Бодэн. — Их так не любят?

— Не то слово, — отрезал Цзо Юэшэн. — Чем иметь с ними дело, я лучше пойду в вашу Тайи «гнилым деревом»!

«В бескрайних просторах Пустого тутовника, где простираются восемь пределов, обитают Сто кланов, что правят солнцем и луной, определяя смену дня и ночи».

Так называемые «Сто кланов» — это сто двадцать родов, живущих в Пустом тутовнике.

Каждый из этих родов вёл своё происхождение от древних богов. Вместе они определяли пути солнца и луны в разное время года. Сами они называли это «небесным пастушеством»: обычные пастухи пасут коров, овец и лошадей, а они — небесных золотых ворон и загадочных зайцев.

Пустой тутовник из-за этого также называли «Землёй Общего Пастбища».

Вероятно, оттого, что они слишком долго пасли небеса, эти зазнайки, смотревшие лишь ввысь, возомнили, что и школы заклинателей всех четырёх сторон света должны быть под их «пастушеством». Они постоянно вмешивались в дела других школ... поэтому даже добродушные монахи школы Будды при встрече со Ста кланами принимали вид гневных ваджр.

— Впрочем, они не особо смеют связываться с вашей Тайи... — Цзо Юэшэн потёр подбородок и хихикнул. — Последняя их ссора с Тайи была три тысячи лет назад. Тогда главой вашей школы был Янь Хуаймин. Глава Янь действовал решительно и быстро. Пока Сто кланов спорили, кого отправить послом в Тайи, он уже с войском заявился в Пустой тутовник. Вот это было зрелище!

Цзо Юэшэн даже подозревал, что одна из причин, по которой школа Тайи столько лет остаётся первой среди школ бессмертных, заключается в том, что все остальные школы тайно ждут, когда Тайи снова сцепится со Ста кланами.

— Неудивительно, что Тайи попросила ваш Павильон Гор и Морей присмотреть за Цю Бодэном, — осенило Лу Цзина. — Если бы они узнали, что он здесь, даже если бы не стали вредить втихую, то уж точно попытались бы создать ему неприятности! Унизить маленького предка-наставника Тайи — это всё равно что отыгаться за поражение трёхтысячелетней давности.

— Так вот где меня ждала сцена «постановки на место».

Сказал Цю Бодэн, складывая письмо.

— Сцена «постановки на место»? — одиннадцатый господин Лу, в последнее время увлечённый сочинением пьес, чутко уловил незнакомое слово и без стеснения спросил: — Что это за сцена?

— Ну, например...

Цю Бодэн задумался, и его взгляд скользнул по стоявшему рядом Лоу Цзяну.

— Я сорвал объявление семьи Лю об изгнании злых духов. Брат Лоу крайне скептически отнёсся к моим способностям и был уверен, что я не только не справлюсь, но и создам всем проблемы. Конечно, брат Лоу хорошо воспитан и не сказал этого вслух, это лишь для примера. Но в итоге оказалось, что он был бессилён, а я, предок-наставник, легко решил проблему. Ему стало очень стыдно, словно ему дали пощёчину. Вот это и называется «поставить на место».

Лоу Цзян, которого внезапно выставили в качестве примера, пожалел, что не ушёл сразу после того, как доставил письмо. Находиться рядом с этими типами было сущим мучением.

— А, вот оно что.

Лу Цзина осенило. Он смутно ощутил, что нащупал новый, неизведанный путь в искусстве. Но, глядя на одного из участников этой «сцены», Лоу Цзяна, он невольно посмотрел на него со странным выражением.

— Что вы на меня так смотрите? — вены на лбу Лоу Цзяна вздулись. — Какой-то парень, известный лишь своими пьянками и дебошами, вдруг заявляет, что умеет изгонять демонов. Не заподозрить неладное было бы странно, правда?

— Брат Лоу, а вот тут ты неправ, — с праведным возмущением осудил его Цзо Юэшэн. — Судить о человеке по слухам, как и по внешности, — это предрассудки! Самая что ни на есть поверхностность, противоречащая заветам нашего Павильона Гор и Морей.

Лоу Цзян глубоко вздохнул и, идеально скопировав голос и интонацию Цзо Юэшэна, произнёс:

— «Он ведь не собирается проспать до утра, а потом вымогать золото у господина Лю? Да у него душа чернее моей...» Молодой господин павильона, это ведь ваши слова.

Цзо Юэшэн вытаращил глаза:

— Брат Лоу, ты научился предавать! Ты изменился!

Лоу Цзян ответил ему коротким и многозначительным «хе-хе».

— Но всё равно странно, — сказал Цзо Юэшэн, глядя на юг.

— Что именно? — спросил Цю Бодэн.

— Помнишь, я тебе рассказывал про того безжалостного типа из племени колдунов Южных земель, Ши Уло?

— Помню.

— Ши Уло убил немало людей из Ста кланов. Если бы они хотели драться, давно бы уже начали, — Цзо Юэшэн почесал в затылке. Его скудных знаний явно не хватало, чтобы понять происходящее. — Почему именно сейчас?

— Вот как... — задумчиво произнёс Цю Бодэн.

— А, неважно! Пусть старик сам голову ломает!

Цзо Юэшэн очнулся от раздумий и, радостно раскинув руки и встав на цыпочки, изображая большую птицу, выбежал во двор.

— Я! Наконец-то заканчиваю эту проклятую ссылку!

Выглядел он настолько глупо, что было даже неловко смотреть.

Вскоре Цзо Юэшэн снова «влетел» обратно.

— Вы видели когда-нибудь золотую ворону? — громко спросил он. — Главный павильон нашей школы находится у горы Циу. Вечером золотая ворона несёт солнце и опускается за горой, чтобы отдохнуть в Великой Пустоши. Это такое зрелище! Я вас отведу посмотреть!

Лу Цзин до этого размышлял: Цю Бодэн и Цзо Юэшэн едут в Павильон Гор и Морей, Е Цан, поступив в Тайи, наверняка отправится с ними. А ему что делать — возвращаться в Долину Медицины или тоже поехать с ними? Услышав слова Цзо Юэшэна о «золотой вороне, несущей солнце», чаша весов в его душе тут же склонилась в одну сторону.

— Правда? Правда можно увидеть золотую ворону? А она большая? Как она несёт солнце? Прямо на спине или на цепях тащит?

Слушая, как Лу Цзин засыпает Цзо Юэшэна вопросами, Цю Бодэн посмотрел на небо.

Сегодня была хорошая погода. Вероятно, путь золотой вороны, несущей солнце, пролегал недалеко от города Фу.

Цю Бодэн думал о том, что солнце действительно несут трёхлапые птицы, а на луне и впрямь живёт нефритовый заяц. Они восходят и заходят, следуя рассчитанному людьми пути. В этом было что-то невероятно прекрасное и абсурдное. Вера, существующие лишь в мифах, в этом мире обрели свою собственную реальность.

Чужую и в то же время знакомую.

Он сложил письмо и убрал его в рукав.

— Вы... вы видели золотую ворону? Ту, что по небу летает и солнце тащит! Размах крыльев у неё три... три тысячи чжанов!

Лу Цзин, окружённый группой нарядно одетых девушек, пьяно хвастался. Девушки, держа в руках чаши с вином, смеялись и спрашивали, насколько это длинно — три тысячи чжанов.

— Он ещё немного, и скажет, что сам на этой вороне по небу летал, — сказал Цзо Юэшэн, перебивая шум музыки и гомон толпы, Цю Бодэну. — Мне кажется, если он выпьет ещё немного, то не только рукава и шпильки для волос потеряет, но и пояс от штанов! Молодой господин Цю! Надо его оттуда вытаскивать!

— Хочешь вытаскивать — вытаскивай сам! — Цю Бодэн бросил взгляд в ту сторону и холодно отказал. — Кто тебя просил приглашать его в Циу!

То, что всё дошло до такого, было следствием письма от владыки Павильона Гор и Морей.

Главный павильон находился в десятках тысяч ли от города Фу. Чтобы вернуться туда, нужно было сначала добраться до города Жу, а оттуда воспользоваться формацией перемещения. В

городе Фу ещё не прошёл месяц миазмов, и старейшина, посланный владыкой Павильона, чтобы встретить почётного гостя и заодно забрать сына, должен был прибыть только через два дня. Услышав, что спасшие город бессмертные уезжают, жители Фу настояли на проведении пышной церемонии проводов.

Пригласить бессмертных на праздник пришла новая городская жрица, Лю А Жэнь.

А Жэнь было шестнадцать лет. Она, казалось, повзрослела за одну ночь. Её взгляд был ясным и твёрдым, а в тёмно-синем жреческом облачении она выглядела тонкой, но нестигаемой, как ивовая ветвь. Она тихо улыбнулась Лу Цзину, и тот, считавший себя искушённым в амурных делах, тут же потерял голову и, ударив себя в грудь, пообещал, что все они, «бессмертные», непременно придут.

После этого Лу Цзин весь день прообнимал ножку стола и рыдал. Цю Бодэну это так надоело, что он тоже согласился пойти.

Кто же знал, что у жителей Фу есть обычай:

Если ты уважаешь и любишь кого-то, ты должен непременно выпить с ним.

После трёх чаш вина различия между бессмертными и смертными стираются. Разве не все мы люди?

Вскоре они оказались в кольце толпы. После того как городская жрица Лю преподнесла им вино, подошли почтенные старцы, а затем их окружили нарядно одетые красивые девушки...

Цю Бодэна, после того как несколько стариков надавали ему наставлений в духе «в дороге береги кошелёк» и «богатством не хвались», стало не по себе. Он решительно вытолкнул вперёд Цзо Юэшэна и Лу Цзина, а сам сбежал из толпы.

Цзо Юэшэн продержался две чаши, но потом тоже не выдержал и, сославшись на нужду, сбежал.

Остался один Лу Цзин, окружённый девушками со всех сторон.

Этот парень был довольно миловиден, настоящий красавчик. Но умом он не блистал, а под действием вина стал и вовсе глуповат. Окружённый девушками, он выглядел так, будто его вот-вот съедят заживо... Кто знает, из какой пьесы пошла эта мода, но в последнее время девушки любили на память отрезать лоскут от одежды своего избранника. Сейчас верхняя одежда великого бессмертного Лу Цзина была уже вся в клочьях, и казалось, что он вот-вот останется голым.

Цзо Юэшэн выругался.

Скривившись, он долго собирался с духом и наконец, как на амбразуру, бросился в толпу красавиц, чтобы вызволить почти раздетого Лу Цзина.

Цю Бодэн накинул чёрный плащ, укутавшись с головы до ног, и, спрятавшись в углу, скрылся от толпы.

«Звучат флейты и барабаны, музыка стройна и гармонична.

Предкам великим мы жертву приносим, сто ритуалов совершая...»

Большие и маленькие фонари увешивали ветви деревьев, разноцветные шёлковые ленты развевались на ветру. Люди с чашами в руках пили, смеялись, угощали друг друга. Очень скоро уже никто не разбирал, где свои, где чужие. На украшенных улицах, где сияли огни, незнакомые люди, встречаясь, тут же выпивали вместе.

Весь город был пьян.

Это был настоящий праздник.

В честь проводов, а также в честь спасения. В честь того, что божественное дерево Фу уцелело, и город выжил после великой беды.

Ветер пронёсся, и в свете фонарей листья дерева Фу закружились над улицами.

Словно рой светлячков.

Они опускались на края чаш с вином, на волосы девушек, на плечи стариков.

«...Дети резвятся, группами по трое и пятеро, под деревьями и на ветвях, вешают цветные ленты и зажигают фонари, люди и деревья веселятся вместе».

Цю Бодэн постукивал пальцем по бочонку с вином, который он прихватил с собой, в такт далёкому бою барабанов. Ему показалось, что картина, которую триста лет назад увидел Цю Минцзы во время своего путешествия на юг, была именно такой.

Мимо пробежала стайка детей, играя в догонялки.

Последний ребёнок, пробегая мимо стойки с фонарями, зацепился за неё одеждой. Он убежал, а стойка начала падать прямо на них. Когда она уже готова была рухнуть, кто-то протянул руку и удержал её.

Цю Бодэн поднялся и, пройдя сквозь толпу, направился к нему.

— Будешь ещё смотреть — придётся платить.

<http://bllate.org/book/16967/1585480>